

4612.

Ж 4612

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1 2 3 4

2

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Орган Союза писателей Узбекистана

**Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал**

Год издания XXXVII

76.227

1 9 6 9

2

Адхам АҚБАРОВ

Бригантина поднимает паруса

...Вагон подмосковной электрички переполнен. Мы стоим, тесно прижатые друг к другу. Одеты, скажем прямо, не по-парадному. На одном — лыжный костюм, на другом — старый свитер, а Гена Новиков добыл где-то рабочий комбинезон. Все порядком устали за день, но настроение бодрое. Володя Бойко рассказывает какую-то веселую историю, и на весь вагон раздается оглушительный взрыв нашего хохота.

Мы — студенты. Комсомольцы. Возвращаемся «с картошки». Московский университет шефствует над одним из колхозов области, и каждую осень мы ездим помогать колхозникам в уборке.

Неожиданно открывается дверь тамбура, и в наш вагон вваливается еще группа ребят. Это географы, студенты географического факультета. У одного из них — смуглого паренька в выцветшей гимнастерке — в руках гитара.

— А ну-ка, журналисты, споем! — говорит он. — Нас из соседнего вагона «попросили». Говорят, шумим очень. Может, у вас соседи поговорчивей...

Рядом с нами стоит пожилой человек в шляпе, с газетой в руках. Он недовольно морщится, но молчит. Видно, и остальных пассажиров не особенно радует предложение парня с гитарой. Но он уже берет первые аккорды. И Лора Синякова мягко, тихо запеваёт:

Надоело говорить и спорить
И смотреть в усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...

Ни один из вечеров в нашем общежитии не обходился без этой песни. Что-

то в ней есть удивительно доброе и светлое, в этой песне о романтической бригантине. Поешь ее — и словно уносишься на крыльях мечты. Паруса бригантины и есть эти крылья. Песня зовет нас открывать неоткрытые острова, учит ненавидеть равнодушие, убогое мещанское благополучие.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошовый уют,—

поем мы дружно, и на какой-то момент сами становимся отчаянными флибустьерами, бродягами, романтиками. Сейчас мы и в самом деле похожи на них — в своих поношенных свитерах и измазанных глиной лыжных куртках.

— Хорошая песня, — говорит, вздохнув, литовец Петя Дигрис, когда отзвучал последний куплет «Бригантины». — Интересно, кто ее сочинил?

— Это наша песня, географическая, — решительно заявляет владелец гитары. — Наверно, ее сложили где-нибудь в экспедиции. Сейчас она — гимн нашего факультета.

— Ничего подобного, — возражает Катя Воробьева, наша однокурсница. — «Бригантина» — туристская песня. Туристы ее и написали. Разве это непонятно? По-моему, никто другой и не мог ее сочинить.

Пожилой человек в шляпе внимательно прислушивается к нашему разговору. А ребята продолжают спорить.

— Вы неправы, — говорит Лора Синякова, обращаясь к Кате и парню с гитарой. — «Бригантину» сочинили студенты филологического факультета. Я спрашивала их, и они мне сказали, что это — их песня...

Пожилой человек улыбается. Положив руку на плечо гитаристу, он тихо произносит:

— Вы напрасно спорите, ребята. Конечно же, эта песня одинаково принадлежит и филологам, и геологам, и туристам. Но сочинил ее паренек, ваш сверстник, которого уже нет в живых. Он погиб на фронте. Его звали Паша Коган.

Мы недоверчиво смотрим на говорящего. Откуда он может знать что-нибудь про автора «Бригантины»?

— Вы простите меня, ребята, что я вмешиваюсь в ваш разговор. Но дело в том, что я хорошо знал Павла Когана...

Мы сдвигаемся вокруг нашего собеседника. Просим его рассказать все, что он помнит про парня, написавшего эту песню. И он медленно начинает.

— Было это до войны, в самом конце тридцатых годов. Мы учились в Москве, в Институте истории, философии и литературы. Был такой институт в те времена, сокращенно он назывался ИФЛИ. В нем учились многие известные теперь поэты. Но одним из самых талантливых его студентов был тогда Павел Коган...

Неторопливо течет рассказ пожилого человека. Мы слушаем его, затаив дыхание. Рассказ об одном из тысяч советских юношей, отдавших жизнь за Родину. Рассказ об обыкновенном московском паренке, комсомольце, вставшем в решительный час на защиту завоеваний Октября. И биография его в нашем сознании сливается с биографией всего его поколения...

* * *

...Много лет прошло с той встречи в вагоне подмосковной электрички. Навсегда запомнился мне рассказ пожилого человека. И когда я закончил факультет журналистики МГУ и стал заниматься литературной критикой, мне захотелось как можно больше узнать о жизни и творчестве Павла Когана. Я встречался с людьми, которые учились с ним рядом, нашел его родных — отца и мать, которые по-прежнему живут в Москве, видел его рукописи — тетрадные странички, испещренные мелким почерком, с зачеркнутыми стихотворными строфами, читал его письма, присланные с фронта. Я многое узнал о нем. И не только о нем. Судьба Павла Когана была неразрывно связана с судьбами таких же, как он, талантливых юношей-поэтов, сердцем своим защитивших наш сегодняшний день. Вот имена некоторых из них: Николай Майоров, Михаил Кульчицкий, Всеволод Лобода, Борис Смоленский. Смертью храбрых пал на фронте одареннейший грузинский молодой поэт Мирза Геловани. Отдал жизнь за Родину талантливый осетинский юноша-комсомолец Хазби Калоев. Никогда не вернется в родные

края, в свой Узбекистан, мужественный поэт-воин Султан Джура. Уже в молодые годы он проявил себя ярким и самобытным поэтом, его ждало большое будущее, он весь был переполнен новыми творческими замыслами. Но замыслам этим не было суждено осуществиться.

Они жили жизнью жадной и насыщенной. Строчки о бригантине, подымающей паруса, могли бы быть их девизом. Так же, как упрямая бригантина, они настойчиво рвались вперед, преодолевая трудности, закаляясь в борьбе с ними. Они были верными сыновьями своего героического времени, своей эпохи. Воспитанные Ленинским комсомолом, они до последних своих минут остались преданными его знамени.

Детство Павла Когана прошло в Москве. Он был обыкновенным школьником в годы, когда молодая Советская страна создавала основы своего индустриального могущества, перестраивала сельское хозяйство на социалистических началах. Вихрастые мальчишки жадно воспринимали все, что происходило вокруг. Они жили безудержной мечтой о мировой революции, гордо шагали рядом со взрослыми во время праздничных демонстраций, — весь мир делился для них на «красных» и «белых». Спустя годы Павел Коган вспоминал в своих стихах раннее детство, вспоминал, как сверстники его бегали по улицам с чучелом зарвавшегося лорда Керзона, угрожавшего нашей стране полной изоляцией, мечтавшего о новой интервенции. Интересы страны были их личными интересами, поэтому с таким восторгом внимали школьники газетным сообщениям о пуске Днепрогэса, о первой плавке магнитогорской домны «Комсомольская». Когда по улицам Москвы торжественно проплыла колонна первых советских грузовиков, созданных на заводе АМО (ныне — автозавод им. Лихачева), радости мальчишек не было конца. Они бежали вслед за автомобилями, размахивали красными флажками, кричали до хрипоты, цеплялись с веселым гиканьем за борта грузовиков. Воспоминания об этих днях обрели под пером Павла Когана символическое значение. Вот ставшие знаменитыми его строки, овеянные памятью детства и пронизанные предчувствием грядущей войны:

Мальчишки в старых пиджаках,
Мальчишки в довоенных валенках,
оглохшие от грома труб,
восторженные, злые, маленькие,
простуженные на ветру.
Когда-нибудь в пятидесятых
художники от мук сопреют,
пока они изобразят их,
погибших возле речки Шпрее.
А вы поставьте зло и косо
вперед стремящиеся упрямо
чуть рахитичные колеса
грузовика системы АМО,

и мальчики моей поруки

сквозь раостояние и изморозь

протянут худенькие руки

людям

коммунизма.

Вера в коммунизм, всесильная и неистребимая, была тем воздухом, которым дышали сверстники Павла Когана. Молодость всегда стремится к романтике, но романтика эта у каждого поколения окрашена по-своему. И очень точно сказал поэт Сергей Наровчатов, хорошо знавший Когана: «Поколение, к которому принадлежал Павел Коган, видело романтику в огненных сполохах гражданской войны. Кожаные комиссарские куртки и буденновские клинки — вот внешнее отражение глубоких чувств, тревоживших мальчишеские души». Юные граждане Страны Советов готовы были по первому зову Родины встать на защиту завоеваний социализма.

Они были романтиками, но не были беспочвенными мечтателями. Они стремились своими глазами видеть все, что происходило в стране, хотели сами быть участниками великой стройки. Отец Павла Когана, Д. Б. Коган, рассказывал мне, как однажды, во время школьных каникул, Павел заявил ему:

— Завтра я ухожу из Москвы. Пешком. Я хочу пройти по деревням, хочу собственными глазами видеть, как происходит коллективизация.

Растерянные родители пытались отговорить тринадцатилетнего мальчика от этого небезопасного, на их взгляд, путешествия, но Павел упрямо стоял на своем. И добился. В следующие каникулы он вновь отправился путешествовать по России.

В те же годы, что и Павел Коган, учился в харьковской школе Михаил Кульчицкий. Они еще не знали друг друга, они познакомились позже, в студенческие годы, но в биографиях их много общего. Та же одержимость, преданность идеалам революции, та же готовность идти на подвиг, на смерть во имя торжества этих идеалов. Любимым героем Михаила Кульчицкого был Николай Щорс, легендарный герой гражданской войны. Юноша родился в день, когда погиб Щорс (30 августа 1919 года), — в этом случайном совпадении Кульчицкий видел как бы предзнаменование своей судьбы, — он хотел быть похожим на Щорса, мечтал продолжить его дело, считал себя наследником героя. Еще в школьные годы он сочинил «Песню о Щорсе», и хоть стихотворение это явно было написано в подражание Эдуарду Багрицкому, оно трогало юных товарищей Кульчицкого, завоевало ему славу «первого поэта» в школе. Друзья Михаила рассказывают, как однажды он читал это стихотворение в только что открытом харьковском Дворце пионеров. Среди слушателей был пламенный большевик, видный деятель Коммунистической партии Павел Петро-

вич Постышев, секретарь ЦК КП(б) Украины. Павел Петрович уделял большое внимание воспитанию подрастающего поколения, он же был и инициатором создания харьковского Дворца пионеров — первого в Советском Союзе. Постышев внимательно прослушал стихотворение Кульчицкого и сказал о юном поэте добрые, проникновенные слова. Это напутствие навсегда запомнилось Михаилу, — всей своей жизнью и героической смертью оправдал он доверие замечательного большевика-ленинца.

Некоторое время назад в журнале «Вопросы литературы» (№ 10 за 1967 год) были опубликованы страницы из школьных дневников Михаила Кульчицкого. Записи эти относятся к 1936—1937 годам, когда Миша учился в 9—10 классах 30-й харьковской школы. Живой голос предвоенного поколения звучит со страниц этих дневников. Мир его интересов раскрывается здесь взволнованно и ярко. Годы, когда Кульчицкий делал свои дневниковые записи, были наполнены событиями героическими и горькими в нашей стране и за ее рубежами. Черная тень фашистской свастики вставала над Европой. Гитлеровцы глумились над величайшими творениями мировой культуры. На кострах в Берлине горели произведения Карла Маркса, Генриха Гейне, Николая Островского. В огне пылала Испания. И каждый советский юноша в мечтах своих переносился в легендарную Гренаду, воспетую Светловым, чувствовал себя в едином строю с бойцами-интернационалистами, защищавшими свободу испанского народа. Вот запись от 24 октября 1936 года:

«Мадрид готовится к обороне. СССР вмешался, и что-нибудь выйдет».

Рядом — другая запись:

«...Ходил в военкомат, производящий прием в военные школы, и узнал, что необходимо держать восемь приемных испытаний».

Между этими записями в юношеском дневнике — прямая связь. Кульчицкий и его сверстники знали, что раньше или позже им обязательно придется взять в руки оружие. Они понимали, что добровольцами в Испанию их не возьмут, — они еще не подходили по возрасту, но у каждого из них впереди был свой Мадрид, свои бои, свои подвиги. И они готовили себя к ним. Так же, как готовила себя к грядущей битве с фашизмом вся наша страна.

«14 сентября 1936 года. Декада ПВХО. Учителя приходят в класс в противогазах. Раздали классу сумки, и конец урока математики провели в противогазах. Девочки снимали, а педагог грозился снизить отметку».

1 октября. Записался в школьный стрелковый кружок, которым руководит учитель военного дела Иван Ильич Морозов. У него черные петлички и крестообразный значок артиллериста. Стре-

ляли из мелкокалиберной в столярной мастерской».

Юные сверстники Кульчицкого знали, что будет война. Весь мир был полон предчувствием ее. Они шли в военкоматы, стремились попасть в военные школы, на строгих медицинских комиссиях хитрили как могли.

«Егорова, соседа по парте, не приняла в военную школу. Он близорук. Врача не было минут 20, и он выучил наизусть третий, мелкий ряд таблицы. И правым глазом все ответил, а левым — забыл. Врач кричал».

Жажда подвига в сердцах юных комсомольцев была окрашена романтической памятью революции и гражданской войны. Пропуская уроки в школе, они бегали в кино, смотрели «Юность Максима» и «Чапаева», захлеб читали «Как закалялась сталь» и «Разгром». И события в Испании для них неразрывно были связаны с памятью о боях, в которых участвовали их отцы.

«25 мая 1937 года. Рассказывают, что в Испании в кино на «Чапаеве» кричат «Смерть фашистам!» и стреляют в экран. Испанцев успокаивают: «Сейчас их убьют».

23 июня. «Юность Максима». Вот это фильм! Революция!».

Много интересного можно почерпнуть из юношеских дневников Михаила Кульчицкого. Читая их, видишь, какой насыщенной, яркой жизнью жили комсомольцы 30-х годов.

С юных лет они были бесконечно требовательны к себе. Требовательны и глубоко принципиальны. Творчество было для них не развлечением, а делом жизни. Короткие записи в дневнике Кульчицкого показывают, как настойчиво стремился он овладеть «секретами» поэтического мастерства, как безжалостно судил себя, как мучительно искал единственные нужные слова.

«Нужно, чтоб слова весили, пахли, обжигали... Вот:

Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед...

Стальные строчки. И слова не вставишь, не изменишь».

Не случайно именно эти строчки были для начинающего стихотворца образцом высокой поэзии. Революционный романтизм Эдуарда Багрицкого был необычайно близок поколению Кульчицкого, Когана и их товарищей. Энергичная, звучная поэзия Багрицкого пробуждала в сердцах юных читателей жажду героики, одухотворяла их гражданские, патриотические чувства. С трепетной любовью пишет Кульчицкий в своих дневниках о Пушкине и Маяковском.

Эти же имена встречаются и в школьных записях Павла Когана.

Настойчиво и трудолюбиво осваивали молодые поэты сокровищницу миро-

вой литературы. Павел Коган составил в школьные годы список поэтов, творчество которых стремился изучить во всей полноте. Я видел этот список. В нем Пушкин, Фет, Тютчев, Блок, Маяковский, Есенин, Багрицкий.

...Когда читаешь воспоминания о другом поэте — Николае Майорове, обращаешь внимание на черты характера, которые сближают его с Коганом и Кульчицким. Так же, как и они, он рано начал увлекаться поэзией. Так же, как и они, был упрям и горд, настойчив и трудолюбив. Его друзья помнят, как затихал актовый зал 33-й школы города Иваново, когда на сцену выходил десятиклассник Коля Майоров. Литературные вечера устраивались в школе очень часто — их инициатором была учительница русского языка и литературы Вера Михайловна Медведева. И если мы захотим назвать человека, который первым привил будущему поэту любовь к стихам, мы назовем В. М. Медведеву.

Николай Майоров много писал. Но поэтом, тем не менее, он быть не собирался. Он считал, что писателем может стать только особенный, необыкновенно талантливый человек, а таким он, по скромности своей, себя не считал. Кроме поэзии, была у Майорова другая любовь — он увлекался историей и готовил себя к поступлению на исторический факультет.

...И вот — школьные годы позади. Перед юношами открывается дорога в жизнь. Каждый из них полон надежд и мечтаний. На выпускном вечере Михаил Кульчицкий читает стихи:

Улетевшею быстрою птицей,
Мое детство, в сини кружисы
В школе день мой последний
промчится,
Предо мной раскрывается жизни!

Проходит короткое время, и вот они уже — студенты. Кульчицкий учится на филфаке Харьковского университета. Коган — в ИФЛИ. Майоров, как и хотел, стал студентом исторического факультета Московского университета.

Те, о ком я веду речь, жили в эти годы так же, как живут все студенты. И стихи их, написанные в студенческие годы, раскрывали все многообразие ощущений молодого человека — гражданских и глубоко личных.

Лирика Павла Когана первых студенческих лет пронизана нежной чистой юношеских чувств. Романтическое волнение молодого поэта передается каждому, кто сегодня перечитывает его стихи той поры. Он много пишет о любви — радость и грусть тесно переплетены в этих стихах. В них — размышления о счастье, о людской доброте, о верности и дружбе.

Поймай это слово,
Сожми, сгущи.
Пусти по ветру, как дым.

Поймай и, как бабочку, отпусти
Свет одинокой звезды.
На маленький миг
Ладони твои
Чужое тепло возьмут.
Счастье всегда достается двоим
И никогда одному.

Уже в этой стихотворной миниатюре П. Когана заключена определенная позиция поэта. Его не устраивает счастье одиночки, эгоистическое, мелкое счастье. По-настоящему счастлив лишь тот, кто сумел одарить радостью другого человека. Постепенно этот мотив в поэзии Когана крепнет и развивается. Любовь в его представлении — это могучая сила, которая помогает человеку быть крепче, мужественней, поддерживает его в минуту трудностей и испытаний. Об этом — строки стихотворения «Последнее»:

...А если вновь потянет дымом
И трубы грозы пропоют,
Прочту стихи. Прощусь с любимой.
Пойду в Испанию мою.
И если пулей годы срежет,
Мне будет умирать смелей
За хлеб, за счастье и за нежность,
За нежность девушки моей.

Все, кто помнит Павла Когана, рассказывают об удивительном его жизнелюбии и страстности. Он никогда не умел и не мог быть равнодушным. Он требовал от всех и от себя ясности во всем — в личном и общественном, требовал четкости и определенности гражданской и нравственной позиции. Он презирал мягкотелых «центристов», не умеющих выработать своей точки зрения, — таких людей он презрительно называл «промежуточными». «Я не понимаю, как можно «воздерживаться» при голосовании, — сказал он как-то одному из своих друзей. — Я бы вообще запретил эту формулу. Ты или «за» или «против».

Павел Коган всегда твердо знал, за что он стоит и против чего борется. Он понимал, что предгрозовое время могло в любой час превратиться в грозу, — и тогда уже некогда будет людям долго раздумывать и «воздерживаться» или колебаться, — каждый был обязан быть готовым к суровой и решительной борьбе. И этой готовности он требовал от своих товарищей.

Как-то, в компании, один из приятелей Павла предложил каждому начертить графически линию своей жизни. Друзья-студенты задумались. Потом один из них взял карандаш и провел прямую линию. «Вот так я представляю свою жизнь», — сказал он. Другой, чуть помедлив, старательно начертил круг. А третий нарисовал карандашом овал. Этот последний рисунок решительно возмутил Павла. Он выхватил карандаш из руки приятеля и поперек овала резким росчерком начертил острый угол.

«Я буду жить только так!» — воскликнул он.

А вскоре товарищи услышали от него стихи, которыми он отвечал на этот «графический» спор. Это было стихотворение «Гроза», ставшее ныне широко известным. Заканчивалось это стихотворение резкими и афористическими строками:

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!

Да, он был угловатым и непримиримым, когда речь шла о коренных вопросах жизни, но никто никогда не мог упрекнуть его в грубости и зазнайстве. У него было доброе и нежное сердце, с заботой и любовью он относился к своим товарищам, любил вместе с ними мечтать о будущем. Вот в один из таких вечеров и сочинил он вместе со своим другом Жорой Лепским песню о бригадине, которая поднимает паруса. Конечно же, он не знал тогда, что песня эта пойдет странствовать по свету, проживет десятилетия, и юноши пятидесятих годов будут спорить, кто написал ее — географ или филолог. Для Павла Когана она была выражением его романтических надежд и мечтаний, он вложил в нее свою беспокойную душу — душу юного фантазера, жадно стремящегося к неизведанному, непознанному. Слова песни не отличались высокими литературными достоинствами, столь же бесхитростна была и мелодия, сочиненная Георгием Лепским, — но так велик был заряд искренности, вложенный в эту песню двумя московскими студентами, что и по сию пору не гаснет он, вызывая в сердцах сегодняшних молодых современников те же романтические стремления. Само старинное слово «бригадина» благодаря этой песне звучит сегодня как символ душевной молодости, юношеского непокая, неистовой, всепобеждающей мечты. «Бригадина» — этим именем комсомольцы 60-х годов называют молодежные клубы и кафе, библиотеки и литературные кружки. А сама песня звучит с концертных эстрад, по радио, ее поют всюду и везде.

...В тетрадках Павла Когана, которые хранятся у его отца, нашел я две стихотворные строчки, которые, видимо, должны были стать началом какого-то так и не написанного стихотворения:

Пора поговорить начистоту,
как мы за эти годы возмужали...

«Эти годы» — это 1938-39, когда перо молодого поэта окрепло, когда он сформировался как личность. Читая его стихи этой поры, мы видим, как действительно «возмужал» он, как на смену наивным, хоть и искренним, юношеским порывам приходит к нему зрелое, выверенное разумом осмысление действительности. Его мысли и чувства, как и прежде, устремлены в будущее, но те-

перь уже в стихах его нет того обилия романтических метафор и образов, — романтика его обретает жизненную, поистине революционную устремленность. Более чем за двадцать лет до героического полета Юрия Гагарина написал Павел Коган свое стихотворение «Ракета», но в стихотворении этом живет твердая убежденность в том, что именно советские люди первыми в мире проложат дорогу в космос, к надзвездным высям. Для Павла Когана первый советский космический корабль — это продолжение революции, это символ борьбы коммунистов за победу пролетариата. Образ первого космонавта в стихотворении Когана дан реалистично и просто. Это не какой-нибудь «сверхчеловек», мифический титан, а человек живой, реальный, рожденный своим временем, своей героической эпохой.

Стихотворение Павла Когана «Ракета» привлекает нас сегодня не только силой поэтического предвидения. Автор, комсомолец 30-х годов, пытается философски осмыслить проблему, которую ставит перед собой: он задумывается, во имя какой цели будут совершаться космические подвиги. И, задав себе этот вопрос, отвечает:

— Во имя юности нашей суровой,
Во имя планеты, которую мы
У моря отбили,
Отбили у крови,
Отбили у тупости и зимы.

Сохранилась стенограмма семинара, на котором в 1939 году обсуждалось стихотворение Павла Когана «Ракета». На семинаре выступал и сам автор стихов. Вот его слова: «Я хотел сказать, что вся история человечества развивалась для того, чтобы пошла ракета в космос, и что человечество занималось делом, необходимым для потомков. Моя тема — коммунизм. Человек вступает в прямую борьбу с природой. Первый полет совершается во имя людей». Как пророчливо и как современно звучат сегодня эти слова!

«Моя тема — коммунизм». Эти слова можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Павла Когана 1938—1941 гг.

Живые черты времени возникают перед нами из его поэтических строк.

...Шли поезда на Магнитогорск,
Самолеты шли на восток,
Двух пятилеток суровый огонь
Нам никогда не забыть...

«Суровым огнем» эпохи опалены стихи Когана. В наибольшей мере это относится к его роману в стихах «Первая треть». Роман этот в значительной мере произведение автобиографическое. Поэт рассказывает в нем о том, как формировалось, росло и мужало его поколение — поколение «лобастых мальчиков невиданной революции».

— Мне кажется, что мы присутству-

ем при рождении очень значительного произведения, — сказал во время обсуждения глав романа в 1940 году один из крупнейших мастеров советской поэзии Илья Сельвинский (текст выступления его также сохранился). — Мы столкнулись с явлением, которое, очевидно, опередит на некоторое время движение нашей поэзии. Это произведение имеет значение не только для творчества самого Когана, но и для литературы...

Это была высокая оценка работы молодого поэта. Восторженно отнеслись к роману и его товарищи. Поэт говорил в нем не только от своего имени, но и от имени всех своих сверстников — тех, чьи детские годы совпали с трудной порой нэпа, временем, когда «на Украине голодали, дымился Дон от мятежей», когда партия и народ, преодолевая трудности и лишения, переводили разрушенную экономику страны на рельсы социализма. «Суровый мир, простой, огромный, распахнутый для всех ветров» закалял юность сверстников автора, воспитывал в них ту «фантастическую честность», которая вела их к пониманию высшей правды на земле — правды ленинизма.

О, языков мы не учили,
Зато известны были нам
От Индонезии до Чили
Вождей компартий имена.

С детства росли они интернационалистами, борцами за счастье всех людей земли. И когда пришел суровый час войны, сверстники поэта жизненной судьбой своей доказали, что революционный огонь, зажженный в их сердцах с юности, всесилен и непобедим.

Одна из сильнейших глав поэмы — столкновение героя ее, Владимира Рогова, с его бывшим товарищем, Олегом Заречиным. Олег — «философ, умница, эстет», человек, воспитанный в эгоистическом, собственническом духе. Его мечта — жить в «уют» и покое, вдали от бурь и треволнений эпохи. Он убежден, что «они», то есть простые рабочие и крестьяне, не в состоянии понять всей «сложности» его внутреннего мира. Олег поклоняется Ницше и Рембо, громовая поступь эпохи, сметающая на своем пути пошлость и сытое довольство одиночек, пугает его. Искусство, воспеваящее героизм и мужество строителей будущего, кажется ему «безвкусицей» и «приспособленчеством». Раскрывая характер Олега Заречина, молодой поэт создавал образ обобщенный, почти символический, — в образе этом он воплотил характерные черты декадентов, представителей так называемого «искусства для искусства», которые в годы революции показали всю антинародность своей гражданской и нравственной позиции, — многие из них стали прямыми врагами Советской власти. Олег Заречин в представлении Павла Когана — прямой «наследник» этих людей.

Ему противостоит в романе Владимир Рогов, юноша, преданный идеалам революции, горячий и страстный защитник новой, социалистической культуры.

Есть гордость временем своим,
Она мудрей прогнозов утлых! —

утверждает он в споре с Олегом. Решительно и упрямо пытается он переубедить своего собеседника, разоблачает все убожество его индивидуалистической «философии». С гордостью говорит он о людях, которые «транспортиром и мечом» «перекроили» эпоху, мечтают о «новом цветенье садов», о прекрасных горизонтах будущего. «Чижинский маленький уютец», который защищает Олег, оскорбителен для Владимира. В дни, когда миллионы людей, не жалея жизни своей, борются за преобразование мира, стремление спрятаться за «тяжелой портьерой» есть не что иное, как измена делу народа. В образе Владимира друга Павла Когана находят многие черты, сближающие героя с самим автором романа в стихах. Недаром многие главы романа написаны от первого лица, от лица самого Когана и его ровесников. Гордость и восхищение своим временем пронизывают строки романа, которые стали ныне широко известными:

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчишки иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков,
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова, —
Косая сажень, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы...

Роман Павла Когана «Первая треть» остался незавершенным. Сейчас он выдержал уже четыре издания — вошел в книгу П. Когана «Гроза» (1960 г.), в сборники «Сквозь время» (1964 г.), «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» (1965 г.) и в книгу «Павел Коган. Стихи. Воспоминания о поэте. Письма», выпущенную в 1966 году. Такое количество изданий свидетельствует об огромном интересе, которым пользуется это произведение в наши дни. Интерес этот понятен. Молодежь 60-х годов жадно стремится перенять опыт старших поколений, учится у них беззаветной стойкости, революционной закалке. Роман Павла Когана для них — яркий документ эпохи довоенных пятилеток, страстный и проникновенный гимн мужеству и преданности делу Октября. ...В годы, когда Коган писал свой роман, он был уже студентом Литературного института им. Горького, куда перешел из ИФЛИ. Сюда же перевелся

в это время из Харькова Михаил Кульчицкий. Николай Майоров, оставаясь студентом истфака МГУ, параллельно также занимался в Литературном институте. Об атмосфере, царившей в его стенах, вспоминает поэт Михаил Луконин: «Коридоры гудели от стихов, стихи звучали в пригородных вагонах, когда мы возвращались в общежитие. Мы бушевали на семинарах Луговского, Сельвинского, Ассеева и Кирсанова, сами уже выступали на вечерах и уже затевали принципиальные битвы между собой. Это была пора опытов, исканий, мятущаяся пора нашего студенчества, пора неудержимого писания и любви».

Так же, как Павел Коган, Михаил Кульчицкий сразу же стал одним из любимцев института. Для тех, кто учился рядом с ним, он казался одним из самых зрелых поэтов среди сверстников. Уже сам внешний облик выделял его среди товарищей. Огромного роста, шумный, любивший подшутить и посмеяться, он всегда был окружен друзьями-студентами. Они вспоминают, что на многих он производил впечатление легкого и беззаботного человека. Но на самом деле все было не так. Под внешней бравадой скрывалось неистовое трудолюбие и фанатическая преданность поэзии. Он думал о стихах днем и ночью. Писал по-русски и по-украински, в совершенстве владея обоими языками. Одновременно изучал немецкий и английский — и это тоже ради поэзии: он хотел в подлиннике читать Шекспира, Киплингга и Гете. Он любил переводить стихи — не для издания, а для себя, «для души». Поэзия была для него всем, — он относился к ней как к самому святому в жизни, пренебрегая трудностями быта.

«Свидетельствую, что единственным видом имущества, которым Миша дорожил, была толстая бухгалтерская книга, куда записывались стихи. Кроме того, была рубашка с васильками на вороте, тощее пальто, скудная еда и любимая ежедневная 14-часовая работа». Так пишет один из ближайших друзей Кульчицкого, поэт Борис Слуцкий. Он же рассказывает, что однажды Кульчицкий занялся необычной, странной работой: упражнения ради стал «переводить» стихи Жуковского на язык Маяковского и наоборот. Ораторская интонация Владимира Маяковского была ему особенно близка. И для того чтобы лучше освоить ее, он проводил самые невероятные, на первый взгляд, эксперименты. Но «невероятными» они казались лишь на первый взгляд. Читая сегодня стихи Кульчицкого, мы видим, как с каждым годом стих его наливался мощью и силой, как высокая техника помогала ему полней, емче выразить самые заветные думы и чувства.

Я очень сильно
люблю Россию...

Этими строками начинается самое крупное произведение Кульчицкого — поэма «Самое такое». Поэма, пронизанная гордостью за свою великую Родину, поднимающуюся в полный рост «над обломками Европы», славящая дружбу народов нашей страны, едко и решительно разоблачающая националистов всех мастей и оттенков. Дружба русского и украинского народов — вот главный мотив поэмы. В единении наций, людей труда разных стран молодой поэт видит залог мира и счастья на земле.

Помнишь — с детства —
рисунок:
чугунные пути
человек сшибает
с земшара
грудью? —
Только советская нация
будет
и только советской расы люди...

«Советская нация», «советская раса» — этот сильный и выразительный образ заключал в себе мечту поэта о грядущем содружестве тружеников планеты.

Энергией, беспокойством, жаждой борьбы и подвига пронизана вся поэзия Михаила Кульчицкого.

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным, —

писал он. И его героями были люди сильные, могучие — такие, как Котовский, Щорс, Маяковский.

...«Я полюбил весомые слова...» — так сказал в одном из своих стихотворений Николай Майоров. В его поэзии — сдержанной и суровой — очень точно был выражен сам характер молодого поэта. Был он человеком немногословным, на редкость скромным, внешним обликом своим скорее напоминал рабочего, нежели стихотворца. В его манере держаться все было естественно и просто — никакой позы, никакого манерничания. И стихи свои он писал так, как слесарь обтачивает металлическую деталь, — добротнo, выверяя каждое движение, каждую линию. Недаром в его стихах о творчестве так часто встречаются слова «уменье», «мастерство», «труд». Он был упрямым тружеником поэзии, и те немногие произведения, которые остались после его смерти, привлекают своей завершенностью, глубиной мысли, определенностью и четкостью позиции.

Одно из лучших, на мой взгляд, стихотворений Николая Майорова — «Творчество». В нем поэт выразил свое отношение к труду. Мысль о всеилнии человеческого таланта воплощена в нем ярко и вдохновенно. Человек умирает, но не может умереть созданное им. Эта же мысль развивается и в стихотворении «Памятник», посвященном летчикам, погибшим при установлении нового рекорда высоты. Чеканные, «весомые»

слова этого стихотворения пробуждают в сердце каждого чувство гордости и восхищения отвагой и настойчивостью советских людей.

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорке, где гроб землей
накрыли,
как ощущение вечной высоты
пропеллер неисправный положили...

Время, когда писались эти стихи, было периодом бурного развития советской авиации, — именно в эти годы весь мир узнал имена Валерия Чкалова, Полины Осипенко, Анатолия Серова и других наших героев-летчиков. Их мужество было для Николая Майорова и его сверстников воплощением собственной мечты: ведь в душе каждого из них тоже жила «упорная жажда высоты». В жажде этой было много романтического, юношеского, но для Майорова заключено было в ней еще и стремление к труду, как к подвигу, к любому делу человеческих рук.

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
как память ими взятой высоты
их инструмент разбитый положили
и лишь потом поставили цветы!

Героика трудовых будней советского народа была главной темой поэзии Николая Майорова. Обобщенный образ своего современника создал он в стихотворении «Мы». Это стихи о мужестве и настойчивости строителей первых пятилеток, о непреклонных, стойких характерах, о тех, кто первыми на земле показал всеилние и мощь свободного труда. Эпиграфом к стихотворению Майоров поставил знаменитые строки Маяковского:

Это время
трудновато для пера...

Да, время, о котором пишет поэт, было пронизано титанической, полной героики и самопожертвования работой. И Николай Майоров в четких, чеканных строках показал величие этого времени, величие людей, которые «брали пламя голыми руками», «жили, не тратя лишних слов», рассказал о том, как они «жгли костры и вспять пускали реки», думая о будущем, о нас с вами. Стихотворение отмечено зрелостью таланта, сложившейся уже собственной манерой письма. По его заглавию — «Мы» — была названа посмертная книга стихов Николая Майорова. Строки его звучат ныне как завещание поэта.

Есть в голосе моем звучание
металла.
Я в жизнь вошел тяжелым
и прямым.
Не все умрет, не все войдет
в каталог.
Но только пусть под именем моим

раскрылось характерное свойство дарования поэта — умение говорить о великих делах своих современников проникновенно и лирично. Его поэзия и сегодня спорит с теми, кто с непонятным упорством стремится разделить творчество каждого поэта на произведения «гражданские», «лирические» и т. д. Стихи Султана Джур — еще одно доказательство того, что любая тема — и в том числе тема высокого гражданского звучания — может быть раскрыта с помощью средств лирики, — важно лишь, чтобы поэт вложил в воплощение ее свое сердце, заветные свои думы и чаяния.

Этими качествами в большой мере обладают произведения Джур, посвященные строителям Большого Ферганского канала. Стихотворение «Вода идет», написанное в 1939 году, — это проникновенная и восхищенная песнь поэта во славу тех, кто одарил живой влагой пустынные степи. Автор заглядывает в будущее, он видит, как

Соловьи заспорят с ручейками,
И луна узоров вышьет цепь,
Редкостными пышными цветами
Зацветет родительница-степь.

Стихи Джур о строителях Большого Ферганского канала полны гордости за советских людей, для которых нет никаких преград. И вся его поэзия — энергичная и молодая — славит юность и силу современников, строителей коммунизма.

В поэтическом наследии Султана Джур значительное место занимают произведения, адресованные маленьким читателям — советским детям. С подкупающей теплотой и искренностью написана поэма-сказка «Голубой ковер». В аллегорической, сказочной форме рассказывает в ней поэт об истории своего народа. Поэма живописно расцвечена народными узорами, вся проникнута фольклорными, песенными мотивами. Это повесть о том, как нищий дехканин Рахим нашел, наконец, правду, которую принесла ему революция, о том, «как Новый Закон возвеличил народ». Поэма завершается строками, посвященными великому Ленину, принесшему народам Средней Азии «красное знамя свободы».

«Голубой ковер» был завершен в 1940 году. Это была пора, когда перо Султана Джур окрепло, поэзия его приобрела широкую популярность среди узбекских читателей. От него ждали новых больших удач.

Но мирный созидательный труд советских людей был прерван вторжением на нашу землю разбойничьих немецко-фашистских полчищ. Весь наш народ — от мала до велика — поднялся на ненавистного врага.

И среди тех, кто вместе с миллионными бойцами вступил в битву с врагом, были поэты.

...Я читал письма, присланные с фрон-

та Павлом Коганом и бережно сохраненные его родными. Удивительные это письма! Облик советского юноши, храброго воина и гражданина, раскрывается в них с суровой и пронзительной искренностью. Вот строки из письма к любимой:

«Столько видел и пережил — сожженные немцами села, женщины, у которых убиты дети, и, может быть, главное, — людей в освобожденных селах, которые не знали от радости, куда нас посадить, чем угощать. Нам всегда казалось, что мы все понимаем. Мы и понимали, но головой. А теперь я понимаю сердцем. И вот за то, чтоб на прекрасной нашей земле не шлялась ни одна гадина, чтоб смелый и умный народ наш никто не смел назвать рабом, за нашу с тобой любовь я и умру, если надо. Но лучше я сам отправлю на тот свет любителей чужой земли... Мне нужно жить. Я хочу увидеть тебя. После войны будет столько работы!»

«Я верю твердо, что будет все, — писал Павел Коган одному из своих друзей, — и Родина свободна, и Солнце, и споры до хрипоты, и наши книги...». Как перекликаются эти слова со строками из стихотворения Султана Джур «Письмо с фронта» — стихотворения, адресованного дочерям поэта! Он убежден в скорой, неминуемой победе над фашистами:

Когда мы поставим их на колени,
Когда они руки поднимут,
Клянусь! —

В тот день возвращусь я к вам, дочки мои,
В тот день я к вам возвращусь!

Да, в трудные, суровые дни боев они мечтали о мире и Солнце, верили в то, что вернуться в родной дом, чтобы жить, творить, строить будущее.

Но до великого Дня Победы было еще далеко.

Не до ордена,
Была бы Родина.
С ежедневными

Бородино, —

писал в день ухода на фронт Михаил Кульчицкий.

Во время боев под Новороссийском разведчик Павел Коган не раз приводил из фашистского тыла «языков», пленных солдат. 23 сентября 1942 года он не вернулся из поиска. Вражеская пуля пробила сердце юноши-комсомольца, талантливому поэту, патриоту и солдату. Разведчиком был и Николай Майоров, погибший под Смоленском. Лейтенант Михаил Кульчицкий отдал свою жизнь в боях под Сталинградом. А спустя год горькое известие пришло и в семью Султаны Джур. «Уважаемая товарищ Джураева! — говорилось в письме, присланном жене поэта. — Вы можете гордиться своим мужем, который выполнил свой долг перед Родиной. Его имя будет занесено в священную историю войны, и

ный узбекский поэт Хамид Алимджан писал тогда:

Разум наш зарядим,
Волю,
    мускулы,
        кровь,
Бдительным каждый будь,
Сердце
    к боям
        готовы!

Этот призыв к бдительности, призыв «готовить сердца к боям» красной нитью проходит через многие произведения советской литературы той поры. Наш народ ожидал смертельной схватки с фашизмом, который все наглей и откровенней заявлял о себе.

В мае 1935 года Султан Джура написал стихотворение «Привет, Тельман!». Оно было посвящено славному вождю немецких коммунистов Эрнсту Тельману, заточенному фашистами за решетку. С теплотой и восхищением рассказывал узбекский поэт о подвиге героя-коммуниста, бросившего вызов гитлеровским штурмовикам. Тема международной дружбы коммунистов звучит в этом стихотворении проникновенно и страстно. Советский поэт видит в Тельмане своего брата, товарища, он мечтает помочь ему, готов отдать все свои силы, чтобы вызволить его из каменного фашистского склепа.

О, привет тебе, брат мой!
Проходит мой голос сквозь
        стены,
И вхожу я на дыпочках
Вместе с ночью звездой
В твой безвыходный склеп
С непроветренным запахом
        тлена,
О, привет тебе, брат мой,
Душа моя рядом с тобой!

Тема борьбы с фашизмом проходит через целый ряд стихотворений Султана Джуры. В стихотворении «Волга» (1938 год) поэт, обращаясь к великой русской реке, с болью думает о ее «несчастных сестрах», над которыми поднимается «черный закат» фашизма.

О, кровавый закат,
Он полнеба заполонил,
Он на Рейне гнездо свое
        свил...

Сердце поэта — с теми, кто борется против фашизма у испанской реки Эбро, с народами Африки — сыновьями и дочерьми Нила, который «захлебывается в крови», со всеми, кого терзает и мучает империализм. Он верит в светлое будущее земли, он предвидит, как «над горькой Эбро восходит мирный закат»; прозорливо звучат его строки о грядущей свободе африканского континента:

И на лицах,
Черных как антрацит,

На Ниле —
Свободы заря.

«Свободы заря» взошла в наше время над Нилом, но поэту-бойцу Султану Джуре не довелось узнать о ней: вместе с тысячами и тысячами советских солдат он пал в битве с фашизмом, отдал свою жизнь во имя счастья всех людей земли.

Перечитывая сегодня произведения Султана Джуры, мы восхищаемся не только его талантом, но и громадным трудолюбием. Будучи уже известным поэтом, он продолжал учиться, — в 1940 году закончил вечерний педагогический институт в Андижане. Он понимал, что советский литератор должен быть всесторонне образованным человеком, должен широко знать историю, культуру, разбираться в новейших достижениях науки. Все, кто знал Султана Джуру, поразились тому, с какой осведомленностью говорил он о разных эпохах, как быстро фантазия переносила его в далекие века. Одним из любимых его героев был легендарный Джордано Бруно — итальянский мыслитель-атеист, выступивший против догматов католической церкви. В 1937 году Султан Джура завершил работу над поэмой «Бруно». Произведение это играло немалую роль в антирелигиозной пропаганде.

Но главной, центральной темой поэзии Султана Джуры была новая жизнь Советской страны, его самым любимым героем был советский человек, борец и романтик, строитель будущего. Поэт рисовал выразительные и емкие портреты своих современников, показывал характерные, типические черты нового быта тружеников Узбекистана. Много строк посвятил он свободной, раскрепощенной женщине Востока. Гордостью за свою современницу и какой-то удивительной нежностью по отношению к ней проникнуто стихотворение С. Джуры «Первый прыжок с парашютом». Оно написано от лица юной узбекской парашютистки, которой предстоит впервые «выполнить приказ на небесном посту». Поэт не раскрывает перед нами биографию своей героини, в образе ее заключены обобщенные черты, но у каждого, кто прочтает это произведение, возникает мысль о том, что такие же чувства и такие же размышления волновали бы каждую юную узбечку, окажись она на месте героини стихотворения. Девушка-парашютистка горда тем, что именно ей поручено выполнение почетного задания. В сердце ее горит азарт комсомольской юности, — ведь это новая жизнь открыла ее, свободную дочь Востока, воспитала ее стойкой и мужественной, готовой к любому подвигу.

Принимай меня, небо мое,
О, смелее, юность моя!

В стихотворении Султана Джуры «Первый прыжок с парашютом» яркое

наше поколение будет вспоминать его с благодарностью. Над могилой нашего товарища по оружию Султана Джурмы мы клянемся отомстить врагу за его кровь... Он отдал жизнь за независимость Отечества. С глубоким уважением гвардии подполковник Х. М. Алиев».

* * *

...В стихотворении Николая Майорова «Мы» есть строки, которые ныне знает каждый.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы...

Так они и ушли — не долюбив, не докурив последней папиросы, не дописав стихов, которые, быть может, сегодня поставили бы их в ряд с крупнейшими поэтами нашего времени. Но и то, что они сделали, навсегда останется с нами. Навсегда останется с нами сама их жизнь, которая вся — с первого до последнего дня — была подготовкой к подвигу во имя счастья Родины.

Их сверстникам сейчас по пятьдесят. А они по-прежнему остаются молодыми.

И главные их читатели — молодежь. В стихах Джурмы, Когана, Кульчицкого, Майорова сегодняшние юноши и девушки находят отклик на мысли и чувства, которые волнуют их, они учатся у поэтов верности социалистическому Отечеству, преданности высоким идеалам Революции, стойкости и мужеству.

Родина помнит героев-поэтов. Султан Джурма посмертно награжден орденом Отечественной войны. Коган, Кульчицкий и Майоров удостоены памятной медали имени Николая Островского, учрежденной Ленинским комсомолом. В городе Новороссийске, на подступах к которому погиб Коган, есть улица его имени. Улица Николая Майорова есть в Иваново, где родился и рос поэт. Имена Джурмы, Кульчицкого, Майорова и Когана присвоены библиотекам, школам, комсомольским клубам.

Идут годы, но по-прежнему молодо и вдохновенно звучат голоса поэтов, отдавших жизнь за Родину. По-прежнему несет по голубым волнам юношеской мечты их романтическая бригантина. Они жили для нас, они погибли во имя нашего счастья. Они мечтали жить среди нас, и хоть физически их нет сегодня с нами, их поэзия шагает в боевом строю созидателей Будущего.

